

ЛЮДМИЛА ВАСИЛЬЕВНА СОСНИНА

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета

Донецкий национальный университет (Донецк, Донецкая Народная Республика)

ORCID 0000-0002-9823-5152; ludmilasosnina@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРИЧАСТИЙ В СОСТАВЕ УНИВЕРБАЛИЗАЦИОННЫХ КОМПОЗИТОВ

А н н о т а ц и я . Проблема переходности частей речи всегда находилась в центре внимания ученых-лингвистов. Свообразие причастия как части речи заключается в его двойственной грамматической природе и способности сочетать в себе признаки глагола и имени прилагательного. Универбализационные композиты представляют собой сложные наименования, значение которых тождественно производящему словосочетанию. Целью статьи является описание ономаσιологических и структурных моделей универбализационных композитов, содержащих причастие как компонент. Актуальность исследования определяется существованием множественных направлений изучения значения причастий, а также сложностью разграничения всех композитов, в состав которых входят причастия. Новизна работы заключается в том, что впервые предпринята попытка описания именно универбализационных композитов в структурном и ономаσιологическом аспектах. Материал для анализа извлечен методом сплошной выборки из интернет-источников и Национального корпуса русского языка. По результатам исследования установлено, что заявленные номинативные единицы реализуются в пределах двух ономаσιологических базисов, а именно «действие» и «состояние»; отмечены пять ономаσιологических признаков – дистрибутив, объект, статус, трансгрессив, фактитив. В структурном отношении универбализационные композиты представлены сочетанием причастий с именами существительными и прилагательными. Описание композитов в структурном аспекте позволяет определить две разновидности конструкций, в состав которых входит причастие, при этом их различие состоит только в числовой характеристике зависимого имени. Перспективы научного поиска видятся нам в изучении деривационных композитов и единиц квазикомпозитопостроения, в структуру которых могут входить причастия.

К л ю ч е в ы е с л о в а : причастие, композит, универбализация, деривация, атрибут, ономаσιологический базис

Д л я ц и т и р о в а н и я : Соснина Л. В. Особенности функционирования причастий в составе универбализационных композитов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 5. С. 8–13. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.779

ВВЕДЕНИЕ

Вопросами перехода частей речи из одной в другую в разное время занимались В. В. Виноградов [4], М. Докулил [15], Е. С. Кубрякова [9], [10], Л. А. Вараксин [3], В. И. Теркулов [14]. Термин *транспозиция* является наименее определенным в современной лингвистике и порождает множественные научные подходы к разграничению словообразовательных процессов. Изучая особенности межкатегориальной деривации, которая «не влечет за собой никаких синтаксических последствий» [9: 152], Е. С. Кубрякова усматривает в ней явление синтаксической деривации, которая является частным случаем транспозиции. Она справедливо замечает, что «подавляющее большинство процессов

словообразования в разных языках носит характер транспозиции, то есть осуществляется между разными частями речи» [10: 342].

Развивая теорию переходности частей речи, современные лингвисты отмечают особый характер причастных форм и считают их основным отличительным свойством синкретичное категориальное значение, в котором сочетаются значения действия и признака предмета. В этой связи уместно обратиться к истории изучения данной проблемы. Как совершенно справедливо замечает В. М. Алпатов, наибольшее значение для развития лингвистики имела так называемая теория о формах языка, автором которой является Ф. Ф. Фортунатов. Фортунатов интересовало прежде всего не деление тек-

ста на слова (оно предполагалось известным), а определение свойств уже выделенных единиц, и главным здесь было впервые разработанное ученым понятие формы слова [1: 10]. Напомним, что части речи, согласно концепции Ф. Ф. Фортунатова, – это классы слов, различающиеся по значению, по способности сочетаться с другими словами в предложении и выполнять определенные синтаксические функции. Ученый рассматривал части речи как чисто формальные классы слов, выделяя полные, то есть самостоятельные слова, имеющие формы словоизменения, и слова, не имеющие такой формы. Причастие же, являющееся предметом нашего исследования, относится к прилагательному, деепричастие и инфинитив попадают в одну категорию с наречиями, то есть категорию слов, не имеющих ни словообразования, ни словоизменения. Данная теория была весьма спорной, поэтому имела как последователей, так и ярых противников; нас она интересует исключительно в той части, где описываются причастия.

УНИВЕРБАЛИЗАЦИОННЫЕ КОМПОЗИТЫ РУССКОГО ЯЗЫКА: СТРУКТУРНЫЙ И ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Обратимся к предмету нашего исследования. Актуальность работы определяется существованием множественных подходов к изучению категориального значения причастий, а также сложностью разграничения тех композитов, в состав которых входят причастия. Целью данной статьи является описание ономаσιологических и структурных моделей универбализационных композитов, содержащих причастие как компонент.

В современном русском языке причастия выступают в качестве зависимого слова в атрибутивном словосочетании. В «Русской грамматике» (1980) дается следующее определение:

«Причастие – это атрибутивная форма глагола, в которой совмещаются значения двух частей речи: глагола и прилагательного, т. е. значение действия и собственно определительное» [12: 665].

В. В. Бабайцева отмечает особый характер причастных форм и считает основным отличительным свойством причастий «их синкретичное категориальное значение: в нем сочетаются значения действия и признака предмета» [2: 324]. И. К. Сазонова выделяет глагольные, стивные и адъективные значения причастий. Наиболее близки именам прилагательным причастия с адъективной семантикой, в то же время ученый признает их мотивированность глагольными зна-

чениями, они «не выходят за рамки глагольной семантической зоны»¹.

Вопросам адъективации причастий посвящены работы Ю. П. Князева, Л. П. Калакуцкой, И. В. Замятиной, А. Ю. Голубевой, О. М. Акай [5]. Исследователи сходятся во мнении, что «конечный результат адъективации – приобретение причастиями адъективных значений (цветущий сад)», когда у причастий появляются формы качественных прилагательных: степени сравнения, возможность образования наречий на *-о*, *-е*; действительные причастия оказываются способными к образованию кратких предикативных форм; причастия могут иметь антонимы; иногда адъективные значения имеют относительный характер – *ведущие актеры*, *мнимый больной* [7: 6–7].

В. В. Виноградов не употребляет термин «адъективация», осторожно заменяя его формой «окачествование» («развитие качественных значений», «насыщение качественными оттенками», «качественно-прилагательное значение»). Исследователь определяет страдательные причастия как те единицы, в которых процесс «окачествования» пошел дальше всего, формы прошедшего времени «гораздо больше поддаются качественным изменениям и гораздо ближе к прилагательным, чем причастия настоящего времени на *-мый*» [4: 225]. Подвергая сомнению связь страдательных причастий прошедшего времени с глагольной основой инфинитива, он указывает, что

«полная форма причастий на *-нный*, *-тый* является очень сложным гибридным словесным образованием. Качественные значения в большей части таких причастных форм явно преобладают» [4: 229].

Современные исследователи полагают, что адъективация причастий может рассматриваться как качественный признак лица

«по совершаемому им действию на базе мотивирующего действительного причастия настоящего времени с приобретением причастием переносного лексического значения и утратой им функций грамматических категорий»².

По мнению И. В. Замятиной, «двойственная природа полной причастной формы проявляется в любой характерной для нее синтаксической позиции» и даже в позиции «согласованного препозитивного определения, позиции, первичной для имени прилагательного» [6: 121]. Двойственная семантическая природа проявляется у причастия в позиции синтаксического актанта, особенно если речь идет о субстантивированных причастиях. Напомним, что в классификации частей речи, предложенной В. И. Теркуловым с учетом ономаσιологического подхода, при-

частия относятся к атрибутам актанта [14: 326]. Важно отметить, что причастные словосочетания в адъективной функции частично теряют процессуальные семы и актуализируют признаковые. И. В. Замятина справедливо считает, что

«причастие – уникальная форма: с одной стороны, оно имеет способность управлять падежными формами имен, с другой – причастие в структуре предложения играет роль атрибута, занимает синтаксическую позицию определения, реализуя тем самым способность согласовываться с именем существительным»³.

На своеобразии системы грамматических категорий причастия указывают и другие современные лингвисты, заявляя о его гибридной грамматической природе и тяготении к двум полюсам – глаголу и имени [8: 135].

Предметом нашего исследования являются причастия в составе сложных образований. Мы придерживаемся такой научной концепции (В. И. Теркулов, Л. В. Соснина), согласно которой все сложные имена прилагательные реализуются в пределах трех основных направлений – универбализационные композиты, деривационные композиты и единицы квазикомпозитостроения, все они описываются с учетом основных положений композитостроения и ономазиологии. Полагаем, что ономазиологический подход к изучению языковых единиц предполагает «наличие связи между номинацией и объектами действительности» [13: 4]. М. Докулил предложил следующую характеристику семантической структуры слова с позиций ономазиологического подхода:

«Явление, которое должно быть названо, всегда включается в определенный понятийный класс... а затем в рамках этого класса оно определяется некоторым признаком; понятийный класс входит в ономазиологическую структуру понятия как определяемое (ономазиологический базис), а признак как определяющее (ономазиологический признак)» [15: 196].

Деривационный потенциал любой языковой единицы лучше всего раскрывается и оценивается в пределах ономазиологического класса, который объединяет однотипные номинатемы для обозначения однотипных же реалий окружающего мира. Основные положения теории композитологии позволяют нам трактовать универбализационные композиты как номинативные единицы, значение которых полностью совпадает со значением производящего словосочетания, например: *синеглазый* – с синими глазами, *однотомный* – в одном томе, *болеутоляющий* – утоляющий боль.

Все универбализационные композиты могут быть рассмотрены в пределах трех ономазиологических классов. Модели, содержащие

причастия, реализуются в пределах ономазиологического класса «характеристика предмета, процесса, явления». Ономазиологическая модель традиционно включает в себя ономазиологический базис и ономазиологический признак.

Полагаем, что универбализационные композиты, которые содержат причастия, могут анализироваться в двух аспектах – структурном и ономазиологическом. Результаты нашего исследования показали, что заявленные номинативные единицы реализуются в пределах двух ономазиологических базисов, а именно «действие» и «состояние». Ономазиологический базис «действие» может быть описан как базис, в котором основная составляющая указывает на одноразовое, мгновенное действие, являющееся фокусом номинации. Фиксируем следующие модели:

действие + трансгрессив, например, *понижающий жар / жаропонижающий*:

понижающие жар препараты (<http://udoktora.net/>); *Сейчас известно, что хинная корка кроме хинина содержит жаропонижающий алкалоид цинхонин* (В. Прозоровский. Диалог с Ганеманом // «Наука и жизнь», 2007; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

действие + дистрибутив, например, *сосущий кровь / кровесосущий*:

Сергей слушал молча, опустив голову на руки в изнеможении, а Матвей Иванович весь оживлялся, шевелился, как паук, сосущий кровь из мухи (Д. С. Мережковский. Александр Первый (1922); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Гораздо больше беспокойства могут причинить кровесосущие насекомые – слепни, оводы, комары и мухи* (<http://www.superstyle.ru/>);

действие + фактитив, например, *записывающий звук / звукозаписывающий, охлаждаемый водой / водоохлаждаемый*:

За эти годы сменился не один звукозаписывающий носитель (Наталья Соловьева. Музыкальная коллекция // «Нефтяник» (Пермь), 2003.06.01; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Любительская киносъемочная аппаратура, записывающая звук на магнитную дорожку, в СССР не выпускалась* (<https://ru.wikipedia.org/wiki>); *Сингапурская дизайн студия Wallflower Architecture + Design представила дом, охлаждаемый водой. Этот дом расположен недалеко от дороги и надежно скрыт густыми деревьями* (http://nnm.me/blogs/gus7/dom_ohlazhdaemyu_vodoy_ot_studii_wallflower); *Американские инженеры применяли для охлаждения медный водоохлаждаемый кристаллизатор* (И. Демонис. Во все лопатки // «Наука и жизнь», 2007; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

действие + объект, например, *утоляющий боль / болеутоляющий*:

Вывод очевиден: любой опиум, утоляющий боль, ведет к привыканию (<http://blog.stiff.ru/2009/07/vtoraja-statja-berrouza.html>); *Иногда глаза становились мутными, гасли с похмелья. Мама не разрешала давать болеутоляющий опиум. Только ром* (Валериан Скворцов.

Сингапурский квартет (2001); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgpora.ru);

действие + финитив, например, **добывающий рыбу / рыбодобывающий**:

Есть подводный охотник, а есть просто человек, добывающий рыбу с помощью подводного снаряжения (<http://forum.spearfishing.org.ua/index.php?topic=28.310;wap2>); *До 1992 г. Калининградская область имела один из самых мощных рыбодобывающих флотом в бывшем СССР* (<http://knigi.link/regionalnaya-ekonomika/ryibopromyishlennyiy-kompleks.html>);

действие + медиатив, например, **спасаемый Богом / богоспасаемый, дышащий огнем / огнедышащий**:

Да, Россия – страна, спасаемая богом. Это правда (<http://sztufar.ru/node/379>); *Наши доселе богоспасаемый городок постигла участь... окропиться кровью людей, до сих пор так или иначе эксплуатировавших трудящихся...* (Жизнеописание протоиерея Павла Петровича Заболотского (2004) // «Журнал Московской патриархии», 2004.07.26; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgpora.ru); *Только представьте, температура лавы колеблется от 500 до 1200 градусов Цельсия! Этот дышащий огнем поток слизнет как корова языком, никто и не заметит* (<http://www.pravda.ru/photo/album/21696/#&gid=1&pid=7>); *Когда уснувшая огнедышащая гора просыпалась, вода, ил, лава сносили все на своем пути* (События недели, 14.01.2014);

Ономасиологический базис «состояние» указывает на положение объекта, предмета или лица и является результатом действия. Отмечаем следующие модели:

состояние + объект, например, **быстрого действия / быстродействующий**:

*Многие противники оппозиции рассчитывали, что принимаются законы прямого, а главное – **быстрого действия**, поэтому сегодня они немного разочарованы* (2012: год фиктивных перемен // «Русский репортер», 2012; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgpora.ru); *Примечание этот инструмент – гораздо более гибкий и **быстродействующий**, чем изменения в бюджетноналоговой политике (за которую в ответе Минфин)* (Алексей Ефимов. Молчание финансистов // «Независимая газета», 2003.03.31; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgpora.ru);

состояние + статус, например, **рожденный мертвым / мертворожденный**:

Рожденный мертвым недоношенный ребенок начал проявлять признаки жизни после того, как его мать поддержала его в руках (<http://pozitivchik.info/2010/09/>); *Беззвучно орал благим матом их **мертворожденный** сын* (Максим Тихомиров. Национальная демография (2014); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgpora.ru);

состояние + квалитатив, например, **содержащий азот / азотсодержащий**:

*Они обнаружили, что от молекул глутаминовой кислоты в клетках отщепляется аминокислота – фрагмент, **содержащий азот*** (О. Поляновский. В лабиринте химических превращений // «Химия и жизнь», 1967); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgpora.ru); *При добывании желтого железисто-синеродистого калия, для которого расплавляют **азотсо-***

держащий животный уголь вместе с поташем и железом, образуется множество дурнопахучих и даже ядовитых газов и паров, как-то: углекислый аммиак, сероводород, азотсодержащие органические щелочи и т. п. (Ф. Ф. Эрисман. Профессиональная гигиена (1871–1908)); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgpora.ru).

Структурный аспект изучения композитов позволяет определить две разновидности конструкций, в состав которых входит причастие, при этом их различие состоит только в числовой характеристике зависимого имени – причастие + имя существительное в единственном или множественном числе, например:

утоляющий боль / болеутоляющий: *Они всю ночь бодрствуют; вслух, не торопясь и по частям читают Коран; при этом глубоко грустят, в этом чтении обретают спасительный бальзам, **утоляющий боль*** (<http://www.halifat.info/>); *Ученые оценивали **болеутоляющий** эффект от просмотра фотографий с любимыми людьми по степени нагрева термостимулятора* (<http://tramadola.net/interesnye-fakty>);

печатающий билеты / билетопечатающий: *Аппарат, **печатающий билеты** в кинотеатре, присвоил приставкой номер 666 на всех билетах фильма Мела Гибсона* (<http://uucyc.ru/passion/47>); *Пассажиры, отправляющиеся пригородными электропоездами, смогут оплачивать покупку билета в **билетопечатающем автомате*** (<http://www.kioskssoft.ru/tags/news/>);

суживающий сосуды / сосудосуживающий: *Авторы заключили, что почка вырабатывает **суживающий сосуды** белок* (http://www.rmj.ru/articles_8477.htm); *Открытие ренина и механизма его **сосудосуживающего** действия представляет большой клинический интерес* (http://www.medin.org.ua/index.php?option=com_content&task=view&id=789&Itemid=317c).

Фиксируем также конструкции с зависимым атрибутом, которые могут быть описаны формулой причастие + прилагательное, например:

рожденный свободным / свободнорожденный: *Рожденный свободным, юноша недолго терпел неволю и, когда бежал, домой решил не возвращаться* (<http://cthulhuhammer.mybb.ru/>); *Альтернативой диктатуре общества, диктатуре личности и диктатуре системы, я вижу только общество **свободнорожденных** системных социальных эгоистов* (<http://www.sunhome.ru/philosophy>).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в русском языке атрибутивная функция частей речи реализуется простыми и сложными конструкциями. Атрибутивные конструкции представляют собой номинативный комплекс, сохраняющий достаточную независимость по отношению к предложению в целом. Синтаксической моделью для реализации атрибутивных отношений между предметом и признаком выступают сочетания «причастие

+ существительное» (*тепловыделяющий элемент – выделяющий тепло элемент*). В структурном отношении универбализационные композиты, являющиеся предметом нашего исследования, представлены сочетанием причастий с именами существительными и прилагательными. В статье мы рассмотрели девять ономазиологических моделей указанных номинативных единиц, содержащих два ономазиоло-

гических базиса и восемь ономазиологических признаков. В структурном отношении композиты представлены двумя разновидностями конструкций: «причастие + существительное» и «причастие + прилагательное». Перспективы научного поиска видятся нам в изучении деривационных композитов и единиц квазикомпозитостроения, в структуру которых входят причастия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сазонова И. К. Семантический фактор в формировании вторичного лексического значения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975. 27 с.

² Замятина И. В. Грамматика русского причастия: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 34 с.

³ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов В. М. Фортунатовская школа в российском языкознании // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 7. С. 8–12. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.532
2. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка: Монография. М., 2000. 640 с.
3. Вараксин Л. А. Функции словообразования в языке и типы словообразовательных значений // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. Вып. 1. С. 143–147.
4. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.: Высш. шк., 1972. 720 с.
5. Голубева А. Ю., Акай О. М. Адъективация и адвербиализация как способы словообразования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11-2 (77). С. 60–62.
6. Замятина И. В., Сызранова Г. Ю. Семантическая природа причастных форм: глагольность, адъективность, субстантивность // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Филология. 2013. № 3 (27). С. 118–127.
7. Калакуцкая Л. П. Адъективация причастий в современном русском литературном языке. М.: Наука, 1971. 227 с.
8. Котов А. А., Мухина Е. А. Проблемные зоны русской грамматики в аспекте преподавания русского языка как иностранного: русское причастие // Вестник Череповецкого государственного университета, 2019. № 5 (92). С. 135–145. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-5-92-10
9. Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 109–172.
10. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения: роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
11. Резунова М. В. К проблеме переходности в языках // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 23. С. 116–120.
12. Русская грамматика: В 2 т. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1. 784 с.
13. Соснина Л. В. Типология ономазиологических моделей прилагательных-композитов русского языка // Филологические науки. 2020. № 6-1. С. 3–9. DOI: 10.20339/PhS.6-20/003
14. Теркулов В. И. Об основах гештальтной классификации частей речи // Методология и история языкознания: Материалы Международной научно-практической конференции (г. Славянск, 23–25 мая 2013 г.). Славянск, 2013. С. 325–328.
15. Dokulil M. Tvorení slov v češtině. I. Teorie odvozování slov. Praha: CAV, 1962. 263 s.

Поступила в редакцию 24.11.2021; принята к публикации 20.05.2022

Original article

Lyudmila V. Sosnina, Dr. Sc. (Philology), Professor, Donetsk National University (Donetsk, Donetsk People's Republic)
ORCID 0000-0002-9823-5152; ludmilasosnina@gmail.com

PECULIARITIES OF PARTICIPLES' FUNCTIONING IN UNIVERBALIZATION COMPOSITES

Abstract. The problem of the parts of speech transitivity has always been in the center of linguists' attention. The peculiarity of the participle as a part of speech lies in its dual grammatical nature and ability to combine features of a verb and an adjective. Univerbalization composites are complex names, the meaning of which is identical to the derivative word combination. The aim of this article is to describe onomasiological and structural models of

univerbalization composites containing participle as a component. The relevance of the research is determined by the existence of multiple directions of studying the participles' meaning, as well as by the complexity of distinguishing all composites containing participles. The work originality is determined by the first attempt to describe univerbalization composites in the structural and onomasiological aspects. The material for the analysis was extracted by the method of continuous sampling from Internet sources and the National Corpus of the Russian language. It was established that the stated nominative units are realized within two onomasiological bases, namely "action" and "state"; five onomasiological features – distributive, object, status, transgressive and factitive – are observed. Structurally, univerbalization composites are represented by a combination of participles with nouns and adjectives. The description of composites in structural terms allows us to identify two varieties of constructions which include a participle, the only difference between them being the numerical characteristic of the dependent name. The future prospects of the scholarly research are seen in studying derivational composites and quasi-composite constructions, whose structure may include participles.

Key words: participle, composite, univerbalization, derivation, attribute, onomasiological basis

For citation: Sosnina, L. V. Peculiarities of participles' functioning in univerbalization composites. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(5):8–13. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.779

REFERENCES

1. Alpatov, V. M. Fortunatov's school in Russian linguistics. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(7):8–12. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.532 (In Russ.)
2. Babaytseva, V. V. Transitivity phenomenon in the Russian language grammar: Monograph. Moscow, 2000. 640 p. (In Russ.)
3. Varaksin, L. A. Functions of word-formation in language and types of word-formation meanings. *Tyumen State University Bulletin*. 2011;1:143–147. (In Russ.)
4. Vinogradov, V. V. The Russian language: grammar teaching about the word. Moscow, 1972. 720 p. (In Russ.)
5. Golubeva, A. Yu., Akai, O. M. Adjectivization and adverbialization as ways of word formation. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2017;11-2(77):60–62. (In Russ.)
6. Zamyatina, I. V., Syzranova, G. Yu. Semantic nature of participial forms: verbalization, adjectivization and substantivation. *University Proceedings. Volga Region. Humanities. Philology*. 2013;3(27):118–127. (In Russ.)
7. Kalakutskaya, L. P. Adjectivation of participles in the modern Russian language. Moscow, 1971. 227 p. (In Russ.)
8. Kotov, A. A., Mukhina, E. A. Problem zones of the Russian grammar in the aspect of teaching Russian as a foreign language: Russian participle. *Cherepovets State University Bulletin*. 2019;5(92):135–145. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-5-92-1 (In Russ.)
9. Kubryakova, E. S. The role of word-formation in the formation of the linguistic picture of the world. *The role of human factor in language. Language and picture of the world*. Moscow, 1988. P. 109–172. (In Russ.)
10. Kubryakova, E. S. Language and knowledge: on the way of acquiring knowledge about language: parts of speech from the cognitive point of view: the role of language in the cognition of the world. Moscow, 2004. 560 p. (In Russ.)
11. Reznova, M. V. The problem of transitivity in languages. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2008;23:116–120. (In Russ.)
12. Russian grammar: In 2 vols. (N. Yu. Shvedova, Ed.). Vol. 1. Moscow, 1980. 784 p. (In Russ.)
13. Sosnina, L. V. Typology of onomasiological models of Russian adjective composites. *Philological Sciences*. 2020;6-1:3–9. DOI: 10.20339/PhS.6-20/003 (In Russ.)
14. Terkulov, V. I. The basis of the gestalt classification of parts of speech. *Methodology and history of linguistics: Proceedings of the international research conference (Slavyansk, May 23–25, 2013)*. Slavyansk, 2013. P. 325–328. (In Russ.)
15. Dokulil, M. *Tvoreni slov v ceštine. I. Teorie odvozováni slov*. Praha, 1962. 263 s.

Received: 24 November, 2021; accepted: 20 May, 2022